

Жанр видений в современном шаманизме

Е. А. Епихина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация*

Введение. В статье дается анализ проблемы преемственности традиции современного бурятского шаманизма на примере автобиографий современных шаманов. Предполагается, что через выделение основных мотивов и определение функционала автобиографий можно приблизиться к решению этой проблемы. Опираясь на подходы отечественных ученых О. Б. Христофоровой и А. Я. Гуревича, рассматривается мотив видений, который занимает центральное место в автобиографиях в качестве самостоятельного жанра. Для удобства анализа полевого материала предлагается дифференциация видений: «видения наяву (видения духовных существ в состоянии бодрствования)», «шаманские сновидения (состояние сна или пограничное состояние между сном и бодрствованием)» и «переживание особого состояния во время камлания». Данное деление, по нашему мнению, позволит определить наиболее часто повторяющиеся мотивы.

Содержание. В основной части статьи приводятся материалы авторских полевых исследований, затем следует их анализ. В ходе исследования было установлено, что современные нарративы о шаманских видениях неустойчивы и слаборазвиты, но выполняют традиционную функцию – подтверждение шаманского дара. В нарративах респондентов встречаются мотивы «путь/путешествие», «обучение», «переделка тела», «приход умерших предков» (в значительно редуцированной форме), что говорит о некоторой преемственности традиции. На основании дифференциации нарративов по трем блокам: «видения наяву», «шаманские сновидения» и «переживание особого состояния во время камлания», был сделан вывод, что наиболее повторяющимся является мотив «видения наяву». Сделано предположение, что это связано с желанием респондентов произвести впечатление на своих слушателей.

Описание видений современных шаманов преимущественно сфокусированы на психологических переживаниях и рационализации мистического опыта. При описании задействованы слова и образы из других сфер и культур. Это объясняется ориентированностью шаманов на аудиторию, невозможностью полностью дистанцироваться от социокультурного контекста, в который погружены шаманы, и высокой адаптацией шаманизма в новых условиях, которая позволяет ему быть жизнеспособным в новых условиях.

Выводы. На основании полученных результатов сделан вывод, что видения современных шаманов раскрывают специфику соотношения традиции и новации. Они отражают изменения социокультурного и исторического контекста и высокую приспособляемость шаманизма к новым условиям.

Ключевые слова: жанр видений, мотивы, современный бурятский шаманизм, нарратив, традиция, новация.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Традиционные сообщества в постсоветскую эпоху» при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Епихина Е. А. Жанр видений в современном шаманизме // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 1. – С. 261–283. DOI: 10.35231/18186653_2024_1_261. EDN: EHWTTH

The Genre of Visions in the Modern Shamanism

Ekaterina E. Epikhina

*Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities,
Moskva, Russian Federation*

Introduction. The article analyzes the problem of continuity the Buryat shamanism tradition on the example of autobiographies of modern shamans. The author suggests that by highlighting the main motives and defining the functionality of autobiographies, it is possible to approach the solution of this problem. Based on the approaches of Russian scholars O. B. Khristoforova and A. Ya. Gurevich, the author considers the motif of visions, which occupies a central place in autobiographies, as an independent genre. For the convenience of analyzing the field material, a differentiation of visions is proposed: "waking visions (visions of spiritual entities in a waking state)", "shamanic dreams (a state of sleep or a borderline state between sleep and wakefulness)" and "experiencing a special state during *kamlaniya*". This division, according to the author, will allow us to determine the most frequently repeated motives.

Content. The main part of the article contains the materials of the author's field research, followed by their analysis. In the course of the study, it was found that modern narratives about shamanic visions are unstable and poorly developed, but perform a traditional function – confirmation of the shamanic gift. In the respondents' narratives, there are motifs of "path / journey", "learning", "remaking the body", "arrival of deceased ancestors" (in a significantly reduced form), which indicates some continuity of tradition. Based on the differentiation of narratives into three blocks: "daydreams", "shamanic dreams" and "xperiencing a special state during *kamlaniya*", it was concluded that the most recurring motif is "daydreaming". It is assumed that this is due to the respondents' desire to impress their listeners.

The description of the modern shamans' visions mainly focuses on psychological experiences and the rationalization of mystical experience. The description uses words and images from other spheres and cultures. This is due to the shaman's orientation towards the audience, the inability to completely distance themselves from the socio-cultural context in which shamans are immersed, and the high adaptation of shamanism in new conditions, which allows it to be viable in new conditions.

Conclusions. Based on the results obtained, it is concluded that the visions of modern shamans reveal the specifics of the relationship between tradition and innovation. They reflect changes in the socio-cultural and historical context and the high adaptability of shamanism to new conditions.

Key words: genre of visions, motives, modern Buryat shamanism, narrative, tradition, innovation.

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project "Traditional Communities in the post-secular era" with the support of the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities and the Living Tradition Foundation.

For citation: Epikhina, E. A. (2024) Zhanr videnij v sovremennom shamanizme [The Genre of Visions in the Modern Shamanism]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 261–283. (In Russian), DOI: 10.35231/18186653_2024_1_261. EDN: EHWYTH

Введение

Шаманизм является одной из древних традиций верований, в которой наиболее ярко выражен мистический опыт¹. М. Элиаде подчеркивал, что «более корректным было бы отнести шаманизм к мистическим, а не к религиозным феноменам»² [14, с. 18]. Наиболее интенсивные мистические переживания проявляются прежде всего через экстатический опыт, который шаман получает во время камлания.

В статье рассматривается современное состояние шаманизма в Бурятии. Под влиянием буддизации, христианизации, советизации бурятского народа позиция шаманизма в бурятском обществе значительно ослабла. В годы перестройки это явление стало возрождаться. Шаманизм стал приобретать новые черты, которые не были для него характерны в предшествующую эпоху: создание шаманских организаций, кодификация шаманского знания, проведение межрегиональных тайлганов (жертвоприношений), организация разного уровня конференций, постройка храмового комплекса, медийность шаманов, участие в экскурсионных проектах. Внешняя сторона шаманизма претерпела значительные изменения. Но наиболее сложным для изучения является вопрос о степени традиционности внутренней составляющей современного шаманизма (мировоззрение, мистические переживания, культурная практика). Шаманизм не является догматической системой (учение преимущественно передавалось «из уст в уста»), поэтому он наиболее чувствителен и адаптивен к внешним условиям. По этой причине демаркация между традиционным шаманизмом и неошаманизмом остается достаточно затруднительной. В этой статье постараемся приблизиться к решению этой проблемы.

¹ Термин «мистический опыт» мы понимаем в самом широком смысле, а именно как внутренние переживания встречи с иной реальностью.

² М. Элиаде считал, что шаманизм мог выступать частью религиозной традиции того или иного народа. В основном он характеризовал шаманизм как «магико-религиозную» практику. Учитывая сложность природы бурятского шаманизма (в период христианизации и буддизации шаманизм включил в себя некоторые элементы этих религий) и сложность определения религии, в рамках этой статьи отнесем шаманизм к религиозным явлениям. В качестве рабочего определения выступят слова П. Бергера: «Религия – это человеческий проект, в рамках которого устанавливается священный космос, или, иными словами, религия – это космозация в сакральном модусе (religion is cosmization in a sacred mode). Под сакральным здесь понимается мистическая и внушающая страх сила, которая, как считается, свойственна определенным явленным в опыте объектам. Этот атрибут может быть приписан как естественным, так и искусственным объектам, животным, людям или объективациям человеческой культуры» [1, с. 38–39].

В предыдущем нашем исследовании [5, с. 117–127] проводился функциональный, семантический и структурный анализ автобиографий современных шаманов Бурятии. Были рассмотрены нарративы о начале шаманской деятельности, о проявлении «шаманской болезни» и ее интерпретации самими шаманами. Но тема видений не была раскрыта, так как этот мотив крайне редко встречался в интервью наших респондентов.

В августе 2022 г. нами было проведено исследование в религиозной организации шаманов «Тэнгэри» г. Улан-Удэ и в улусе Улюн Баргузинского района. В ходе работы было записано двадцать интервью. Многие собеседники стали более открытыми для общения и смогли поделиться своими мистическими переживаниями. В связи с этим представляется актуальным продолжить тему автобиографического аспекта в изучении современного шаманизма и раскрыть мотив видений.

В качестве источниковой базы используются автобиографии шаманов, которые были собраны нами в 2014, 2017 и 2022 гг. Из этих нарративов взяты только фрагменты, относящиеся непосредственно к теме видений. Также в качестве источника используется запись известного советского этнографа Г. В. Ксенофонтова [8, с. 83–84], которая опубликована в сборнике трудов по шаманизму в конце 1920-х гг. Из этого сборника в качестве сравнительного материала мы используем «Бурятскую легенду о рассечении тела шамана», которая была записана Ксенофонтовым в 1926 г. в Эхерит-Булагатском аймаке. Эта одна из немногих легенд о рассечении тела шамана, которая встречается в бурятском шаманизме.

О переживаниях религиозного характера современных бурятских шаманов писали В. И. Харитонова [12], Н. Л. Жуковская, А. И. Дарханова, М. Д. Данчинова [3, с. 54–58], К. Хамфри [11, с. 361–382] и др. В этих трудах так или иначе рассматриваются автобиографии шаманов, но не в ракурсе феномена видений.

Для анализа процессов возрождения российского шаманизма отечественный исследователь В. И. Харитонова прибегает к «интегративному подходу» изучения личности шамана (когда в исследовании принимают участие фольклористы, этнологи, психиатры, психологи, нейрофизиологи и инженеры). По ее мнению, с помощью такого подхода «выявляются не только особенности собирательной личности шамана, но и те качества

человека, которые позволяют ему стать шаманом и осуществлять деятельность, которую долгое время было принято считать необычной. Вместе с тем исследования такого типа дают возможность корректно и разумно ответить на вопрос о том, почему шаманизм оказался столь живучим и выдержал испытание временем <...> а при первой же возможности начал “возрождаться” как в близких к традиционным, так и в весьма отдаленных от них формах» [12, с. 22]. Харитонова признает важность изучения личности шамана. Но в основном ее внимание сосредоточено на результатах психофизиологического исследования, а автобиографический аспект не является для нее центральным. Описание видений интерпретируется с точки зрения психофизиологии, иногда приводятся в качестве иллюстрации характеристики личности шамана. Бурятские шаманы упоминаются нечасто.

В работах Н. Л. Жуковской [6, с. 97–109; 7, с. 15–22] и А. И. Дархановой [4] представлены автобиографии шаманов. Жуковская непосредственно касается мистического опыта шаманов. Но в основном он представлен в дескриптивном ключе и не рассматривается как самостоятельный жанр. Дарханова касается этой темы опосредованно.

Наша статья будет одновременно дополнением к исследованиям этих авторов и продолжением функционального, семантического и структурного анализа автобиографий современных шаманов Бурятии, который мы проводили в предыдущей статье [5], с дополнительным анализом непосредственно самих видений.

Автобиографический подход в изучении современных шаманов представляется новым, так как до этого автобиографии бурятских шаманов не изучались в качестве самостоятельного жанра. Мы предполагаем, что через анализ автобиографий шаманов, выделение основных мотивов и определение функционала можно отследить преемственность и выявить новые мотивы. А это в свою очередь приблизит к решению вопроса демаркации между традиционным шаманизмом и неошаманизмом.

Сам автобиографический подход в изучении шаманизма не является новаторством. Он применялся О. Б. Христофоровой при исследовании автобиографий нганасанских шаманов XX в. [13, с. 87–105]. При анализе нарративов Христофорова определила функции и основные мотивы шаманских авто-

биографий и пришла к выводу, что «рассказы о шаманском становлении у нганасан по структуре, символике и мотивам представляют собой инициационные тексты – не вполне институциализированные, наполненные индивидуальными особенностями, но все же построенные по вполне фольклорной схеме, стандартизирующей персональный опыт видений» [13, с. 100]. При интервьюировании наших собеседников мы заметили, что в автобиографических рассказах встречаются относительно устойчивые фрагменты. Это позволило применить подход Христоворовой при анализе наших полевых материалов.

По мнению О. Б. Христоворовой, описания видений при шаманской болезни являются центральным местом в автобиографиях нганасанских шаманов [13, с. 91]. Та же структура сохраняется и в автобиографических нарративах бурятских шаманов. В данной работе мы сфокусируемся на описании мистического опыта. Представляется удобным внести следующее деление: *видения наяву* (видения духовных существ в состоянии бодрствования), *шаманские сновидения* (состояние сна или пограничное состояние между сном и бодрствованием) и *переживание особого состояния во время камлания*. Как нам кажется, данная дифференциация позволяет определить наиболее часто повторяющиеся мотивы.

Прежде, чем приступить к описанию и анализу видений в бурятском шаманизме, сделаем небольшую оговорку по поводу самого феномена видений, изучением которого (в рамках христианской традиции) занимались А. Я. Гуревич [2, с. 8–27], С. М. Толстая [10, с. 189–200], А. В. Пигин [9, с. 551–557] и др. Так, Гуревич рассматривал видения с точки зрения отношения к ним средневекового человека, т. е. видения представляются «откровением» и «прорывом в трансцендентный мир». В христианской традиции мир земной является некоторым «бледным подобием» мира небесного и основная цель жизни – пребывание души в «истинной отчизне». Поэтому особенно важны такие повествования для христиан. Это в свою очередь объясняет относительную ригидность (все же есть определенные вариации в рассказах) повествований о видениях как жанра, так как устойчивость мотивов является некоторым «мерилом» достоверности потусторонней реальности. Жанр видений представляется как нарратив с устой-

чивыми мотивами, который имеет дидактическую функцию и эсхатологическую направленность [2, с. 8–27].

Важно отметить, что Гуревич также говорит о вариативности рассказов и анализирует их через призму «синхронной системы»: «Под последней [т. е. синхронной системой – прим. авт.] мы имеем в виду культурное творение в его обусловленности современным ему состоянием умов, в его соотнесенности с наличным бытием, которое дает автору еще и иные стимулы, помимо унаследованного художественного канона (этот канон и сам включается в современность), с одной стороны, и возможное воздействие этого творения на среду, его актуальную социально-культурную функцию, с другой. Всякое произведение создано в расчете на какую-то аудиторию и предполагает определенное прочтение, расшифровку его неким кругом людей» [2, с. 5].

В нашей статье мы постараемся использовать этот подход.

Содержание исследования

Видения наяву. В рассказах шаманов достаточно часто встречаются мотивы о видениях духовных существ наяву (души умерших людей, антропоморфных и зооморфных существ). У многих шаманов видения начинаются еще в детстве:

Нарратив 1: «Вообще, видения, которые вот в пять лет у меня были, я вот даже сейчас помню, когда вот... дедушку огромного на горе – я не считаю, что я, они какие-то, наверно, я думаю, что дети до пяти лет – они, наверно, все видят, поэтому вот эти видения я, ну, как бы... не собираю, но вот в восемь лет, в 16 лет я прям видела откровенно... ну, всякие облики. Существ необычных, и... даже вот эти-то галлюцинации – фактически это галлюцинации все равно <...> Аа... не то, что животные, а... существа, которые вот... не похожи на людей, не похожи на животных. Которые имеют – возле дороги, например, идет существо огромное, ноги у него только размером с дерево, высотой с дерево. Или вечером... ну у нас, видите, вот мы же в Бурятии здесь живем, и как бы считаем, что оно все это есть, мы же не отрицаем этого и сильно не удивляемся» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ. К-ина А. С., 1987 г. р., шаманка].

Некоторые шаманы говорили о том, что в детстве подобные переживания они считали нормой и думали, что это естественно. С взрослением эти видения пропадали и до момента

посвящения не тревожили шаманов. В период «шаманской болезни», или «шаманки» (как называют сами шаманы), эти видения вновь возвращались и начинали их пугать.

Нарратив 2: «Самое такое яркое видение, знаете, такое, меня как-то очень сильно тоже напугало, да. Я ехала в маршрутке, это было вечером – у нас здесь есть такое кладбище городское, Горьковское кладбище. Ну, там дорога, проезжаешь – вот оно огромное городское кладбище, прямо огромное городское кладбище. <...> Мимо, значит, проезжаю, но в тот момент та часть города была не такая заселенная, как сейчас. Ну, сейчас там уже новостройки, куча народу – тогда район такой немногочисленный был. И мы там жили. Мы туда поехали. Район такой был хороший, комфортабельный, все, но что-то народу в тот момент мало. Еду я, значит, вечером, зима, а у нас же темнеет-то рано здесь... Ну, впереди водитель, а я сзади одна. Напротив кладбище, как будто маршрутка останавливается. На самом деле, никак она не останавливается. Но было ощущение, что она остановилась. Дверь как будто открывается, забегают вот эти покойники. Главное, их много. Они еще, главное, знаете, как бывает, когда загулявшие компании – хохочут, между собой общаются, при этом у них одежда вся такая разорванная, ну они такие именно как покойники, как в фильмах ужасов показывают – там подгнившие, здесь подуставшие, короче, такое. Они забегают, все расселись, значит, ха-ха хи-хи. А я сидела – у нас там кресло было такое, вот, за водителем сразу, сидишь – и на это все смотришь. Я вижу – я понимаю, что они мертвые-то. У меня такое оцепенение, я отвернулась, сижу боюсь смотреть-то. А они надо мной хохочут: она же нас видит, она же нас видит, давай ее типа это, потрогай, там еще что-то. Ну трогать они меня не потрогали, они вышли, короче. Я потом еще до конечной доехала, бегом, ну до дома где-то 50 метров. Я не помню, как я до дома прибежала – и все, я слегла. Потом где-то неделю я в полуобмороке лежала, потом че-то как-то пришла в чувство – я не помню уже, как. Меня до сих пор это видение преследует. Я его... я не знаю, это, по сути, какое-то, ну, детское видение, но для меня оно недетское. Ну, в тот момент я была шокирована. Я до этого как бы видела все ну такое, одного, двух, трех. То есть я слышала их визуально, то есть слышала, я их видела, я их чувствовала» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ. У-ина А. С., 1969 г. р., шаманка].

Достаточно часто от наших собеседников можно услышать, что во время «шаманки» являются предки, которые когда-то были шаманами. Это появление означает, что человек избран на путь шамана.

Нарратив 3: «Вот перед самым первым посвящением, во-первых, главное – физические страдания. Я просыпалась утром в кровати – и возле меня стояла моя бабушка шаманка. Которая мне по возрасту она приходится пра-пра-прабабушкой, на самом деле, она умерла в возрасте 43 лет. И я физически, вот как вашу обувь вижу, видела ее одежду. Потом... я еду в машине – вот даже со мной сестры ездили, они меня потом уже вот просто меня не отпускали одну. Еду за рулем в машине, у меня сами окна открываются. Я физически слышу, что у меня скрипит сидение, кто-то сидит, может быть запах сигарет – я не курила на тот момент. Это все происходило вообще вот, прямо вот в реале и по-настоящему. Аа... Однажды мы вот даже с сестрами поехали... на ключе воду берем – сидят бабушки, когда вот, кругом, чего-то там поют. Она не видит, а я вижу. И это, знаете, это вот настолько ненормально происходит, когда... эм... Вот тот мир и этот мир – как будто вот они вот все перемешалось» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ю-ва М. К., 1987 г. р., шаманка].

До посвящения подобные видения носили неконтролируемый характер, т. е. они возникали внезапно и от них нельзя было избавиться.

Нарратив 4: «сейчас я когда уже как бы вижу видения, я их контролирую, я могу их остановить, закрыть, сказать “пошел нафиг”, или “приди, посмотри” – ну вот что такое, я управляю этим всем делом, да, вот когда сейчас. Даже когда это существо пришло, я все равно как-то смогла его выкинуть, выгнать и в итоге победить – ну не победить, но во всяком случае защиту включили. А тогда это было такое, что ты лежишь, что хотят с тобой, то и делают короче. И ты себя чувствуешь какой-то как котенок маленький, который от всего, всего боится: могут за хвостик тебя поднять, могут за ушко поднять, могут погладить» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ю-ва М. К., 1987 г. р., шаманка].

После посвящения могли уже использовать эти способности, при необходимости, или эти видения прекращались.

Нарратив 5: Иногда все же видения возникали сами: «Это вот... я не знаю, мне, может, мои духи показали, что я последнее время слишком спесива стала, что или что – они вот в то, что мы видим, да, вот наши обыденные человеческие проблемы, что помимо еще что-то происходит постоянно в этом мире. Я вот с этим таким ощущением потом проснулась. И я понимаю, что я вижу, представляете, они идут, они очень большие, они очень сильные и они идут колонной почему-то вот откуда-то с этой свалки вот как будто какой-то негатив или какие-то полумертвые такие. Главное, именно плотность. Вот бывает, они какие-то рваные какие-то такие, разорванные, а эти такие ровненькие, они цельные. И вот они спустились все к реке. Там у нас река Селенга – ну наша река, вот они все туда ушли ... Я думаю: господи, да я же уже, вроде, ниче не боюсь, да я вся такая вообще. Ну, это там. Ну я не скажу, что я сейчас готова по кладбищам бегать одна, ну, но достаточно уже много я видела – и такого, на том уровне, уже как бы не боюсь, но это действительно что-то как-то вздрогнула. Потому что я, во-первых, удивилась, что... в каждом доме у шамана стоит защита – ну определенная там, если можем, закрываем, у нас уже привычка такая... Я удивилась просто: они настолько сильно здесь шли, что он смог пройти через это все. Даже мы когда спим, у нас все равно идет энергетическая защита. У каждого у нас в этом центре тоже есть энергетическая защита, потому что раз в год... ставим на каждую сторону. Ну то есть в эту сторону ставится защита, с этой стороны ставится защита, ну, там... богам Севера, богам... Востока, богам Запада – делается подношение и ставится защита, то есть каждый дух, то есть каждый шаман говорит: я такой-то такой-то, я прошу поставить защиту. То есть онгоны ставят защиту – ну онгоны, наши шаманы, которые помогают. [Соб.: А защиту от кого?] Ну, от тонких миров. Мы же, получается, мы же работаем с тонкими мирами – шаманы же не работают, как говорится... мы же не строим здесь дома, мы же на энергетическом людей латаем, убираем, ментальное тело человека чистим. [Соб.: А они угрожают именно вам, то есть это какой-то ответ на вашу деятельность или почему?] Нет, ну у каждого религиозного этого момента... все ставят защиту энергетическую. Ну помните, как это – мне нравится этот, Гарри Поттер-то, помните они от этих, от Демен-

торов, что ли, энергетическую защиту-то поставили?» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ю-ва М. К., 1987 г. р., шаманка].

Иногда респонденты рассказывали легенды о своих предках, которые могли превратиться в животных.

Нарратив 6: «У каждого род есть, да. Я Хонгодоров. Хонгодоров, да. Из Хонгодорова мои эти предки пошли, ну эти мои предки. Вот Хонгодоровы. А там у меня все шаманы почти были. Один железо он все чистил, кузнец, такой. А второй это... защищал нас, когда ламы приходили проверять этого шамана, моего дедушку – че он дома делает, а он за печкой превращался на медведя, силу свою показывал» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ц-в И. К., ок 1970 г. р., шаман].

Шаманские сновидения. Описание сновидений или пограничного состояния между сном и бодрствованием занимают не последнее место в рассказах наших собеседников. Появление умерших предков-шаманов, антропоморфных и зооморфных существ во сне, полеты – для будущих шаманов являются признаком избранничества со стороны «онгонов». Через подобные сны «онгоны» призывают его стать шаманом. Приведем самые яркие примеры описания снов.

Нарратив 7: «до посвящения за неделю ко мне приходили сны. Их (предков – прим. автор.) я не видела, но приходили в виде змей. В виде змей приходили. Они так окружали меня. Ну, превращались в красивых женщин. Ну, я вот так видела. Вот получается вот, сколько они приходили до посвящения – неделю точно. Приходили, показывали мне вот... Потом я спросила, что это. Они ответили, так онгоны приходят таким образом» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Е-ина П. Н., 1985 г. р., шаманка].

Нарратив 8: Так же через сновидения шаманы могут общаться с умершими родственниками, которые им помогают в жизни. Один мужчина-шаман рассказывал, что потерял семью (жену, детей, братьев) и остался один. Сам тяжело заболел (раковое заболевание). В этих бедах он видит сейчас проявление «шаманской болезни». Один раз в год на посвящение во сне приходят его дети: «уж как они меня – лезут, ласкают, смеются. Утром встаешь – никого нет. И так плачешь. Как живо! Как будто мы вчера виделись (пауза). Приносят мне че-то, дают, деньги дают, вот. Когда деньги дают... вон, например, мои пациенты, да,

кто ко мне ходят на обряд, они деньги приносят» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ц-в И. К., ок. 1970 г. р., шаман].

Нарратив 9: В студенческие годы (примерно в 16–27 лет) респондентке приснился сон: «прилетает бабушка, куда-то меня берет и улетаем мы с ней. Вот прям явно. И вот она мне рассказывает, показывает... А потом она мне говорит: “Ты никому не рассказывай!”. Ну, а кого мне, там девчонки, были молодыми. А я утром встану, смотрю вроде. И говорю: “А я вот опять сегодня сон видела один и тот же сон <...> потом опять три раза подряд”. Я вот это не понимала. А потом, когда я посветилась, поняла, что это мои предки были, моя бабушка прилетела. В конце концов я вот по ее линии сейчас зашла в шаманизм. Она, кажется, когда я ее начала узнавать, кто она такая. Потом скорее успела... Мама очень молодой умерла, что ли 51 год. А ей... видимо должна была быть шаманкой. Была цветущей женщиной» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Р-ва И. И., ок. 1941 г. р., шаманка].

Нарратив 10: Респондентка сказала, что она во сне и наяву «воевала с бесами» и получала от этого удовольствие [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Р-ва И. И., ок. 1941 г. р., шаманка]

Переживание трансового состояния. Многие шамановеды подчеркивали, что способность входить в экстатическое состояние – это одна из отличительных черт шаманизма. Некоторые современные шаманы считают, что вхождение в трансовое состояние является показателем традиционного шаманизма.

Нарратив 11: «Видите, любой шаманизм сам по себе, это религия, которая подразумевает в первую очередь и самый главный фактор – это вхождение в транс. Шаманизм традиционный – это вхождение в транс» [ПМА. 2017. Бурятия, г. Улан-Удэ, А-в Ц. Д., ок. 1988 г. р., шаман].

В бурятском шаманизме представлена сложная градация шаманов, среди которых есть личности, которые не входят в транс. Поэтому данный фактор не может быть определяющим для традиционного шаманизма. Для бурятского шаманизма более характерно вселение духа (онгона) в тело шамана. Во время вхождения в транс в тело шамана вселяется дух-предок. После этого можно наблюдать как меняется тембр голоса, походка, поведение и т. п. Шаманы-переводчики ведут беседу с онгоном, задают волнующие их вопросы. Онгон отвечает на вопросы, а потом покидает тело шамана.

Нам стало интересно, какие чувства испытывают шаманы во время этого процесса. Многие наши собеседники подчеркивают, что во время транса либо их сознание полностью отключается (А), либо граничит с другим сознанием – появляется другая личность/онгон (Б), либо сознание полностью сохраняется (В). Приведем в качестве примера несколько описаний этих переживаний.

А) *Нарратив 12*: «Здесь помнишь, здесь не помнишь – примерно вот такая. Ну вот на таких обрядах точно: здесь помнишь, здесь не помнишь. Потом лежишь и думаешь: обряд-то вообще сделал или не сделал. Или – или вообще... где я вообще нахожусь». [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ц-ев К. Б., 1978 г. р.].

Б) *Нарратив 13*: (этот же респондент): «Ты вроде бы здесь, а вроде бы где-то, в другом состоянии. Но ты понимаешь, ты же... ты же здоровый человек, правильно ведь? Каждый человек – здоровый, да. Он понимает, что... вот, вот. Пригласил, мы же... конкретно кого-то ты уже приглашаешь. Изменение должно быть. Вот это изменение – ты когда именно камланием это изменение ждешь, и она вот чувствует, что предок пришел – и сейчас вот это изменения должно произойти. И когда ты уже в транс уже входишь, и тогда – вот. Каждый онгон, каждый предок, он со своим каким-то этим, призыванием ли как, да? Что он должен сказать, чего это – уже он там сам, когда уже он начинает говорить, в этот момент ты и предок меняетесь, получается. Твое сознание меняется. <...> И ты думаешь: ты, или он ли, кто ли – бывает такое иногда. [Соб.: То есть оба сознания присутствуют здесь?] Бывает... [Соб.: Просто ваше притупляется и...] ... бывает, да. Бывает такое, что да. Что или не ты? Я говорю или он говорит – ну бывает такое, да. А если ты... уже знаешь, что он и все – ты расслабляешься и все, уходишь. [Соб.: А куда, есть у вас представление?] Нет (смеется) [Соб.: Просто отключается?] Да, мозг. <...> Твое сознание отключается как бы... но это практика. Если ты вот в начале начинаешь – там непонятно, ты или не ты, я или не я, или кто там, я, вроде бы. А на самом деле ты не ты, потому что... когда я вот завел первый раз, да, я хотел сказать, что это же я... [Соб.: Нет контроля над своей речью и телом...] Да. Ты не понимаешь: это же я, вроде бы, ты хочешь сказать – я это, я. А ты не можешь это сказать. А потом ты выходишь с этого состояния, а тебе говорят: ты там вообще – то-то, это-то и так далее

(смеется) Да. Понятно? (смеется) Вроде бы, ты, вроде бы... вроде бы, я же, но... хочешь сказать, что это я, (Имя – прим. автора) – а там у тебя не выходит. А там же это происходит-то – думаешь. Ну первый раз. Это что вообще такое-то. Как я не могу сказать свое имя. А вот там – там, да, уже – там ты говоришь, что это я же, да я (Имя – прим. автора). А вот так – вот так ты уже не можешь говорить, потому что твой предок там уже разговаривает (смеется). Понятно? Ну, у каждого... у каждого как бы... наверно... свой как-то подход к этому. Но я вам свое как бы. Вот первый раз, когда я завел, у меня такое было, что я вообще сам в шоке был. Это же я! Ну вот сказать хочу, но это уже не говорится, не могу сказать. А внутри там я могу говорить, что это я, (Имя – прим. автора), а вот так я не могу сказать. [Соб.: Получается, что вы по своей воле и прервать этот процесс не можете?] Да, конечно, потому что уже – ты же... ты ж позвал. Да, уйдет пока. А когда уже ты, он уже сказал, что я ухожу и так далее все, потом ты уже чик – а, вот тогда ты уже: э, я, это же я, это я, Даши. Можешь уже сказать. А так, когда он – ты же скажешь, потому что она тебе не даст. Понятно?» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ц-ев К. Б., 1978 г. р.].

Нарратив 14: (пересказ автора статьи, запись была сделана во время шаманского посвящения. Респондент объяснял смысл обряда и смысл атрибутов). Бубен, как и колокольчики, сравниваются с конем, на котором шаманы «улетают» к «своим божествам». Во время вхождения в транс «разум» шамана отделяется от «бытности». Например, когда респондентка начала «заводить бабушку», голоса помогающих на обряде «вдруг отделились» и она не могла понять, «куда все делись». Голоса были еле слышны. Через мгновение респондентка подумала, что она где-то сидит. Она все осознает: «здравым смыслом, мои мозги работают». Она почувствовала, что она стала «такой маленькой» и ее «повесили на крючок». Внизу она видела планету Земля («Землю. Шар. Она же круглая»), а вокруг – «солнце-солнце, прям светло. Шар светится». Потом она захотела завести другую бабушку, подошла к дверям, где «уже сидят онгоны». (Во время транса она ощущала, что онгоны ей помогают и ощущала, что она соприкасается «с параллельными мирами»). Затем она стала «заводить вторую бабушку», которая «начала выть как волк», сама респондентка почувствовала «надрыв», потом ее «накрыло

сверху». Если в первом случае респондентка почувствовала жар и свет, то во втором случае – было похоже, что ее чем-то накрыли и это было похоже «на пургу». Респондентка «накрылась», и ее за плечи схватили две змеи, которые, по ее мнению, считаются друзьями шаманов. Потом она закричала «выйдите! Выйдите!» (далее рассказ становится еле-еле слышным). Наша собеседница поделилась впечатлениями, когда в другой раз «заводила в дедушку» во время транса. По ее ощущениям она оказалась в темном коридоре и была в растерянности, не зная, что делать дальше. В это время ее остановил помощник, который помогал на обряде, и спросил, что она увидела и будет ли она дальше продолжать. Респондентка решила продолжить обряд. Когда она полностью вошла в транс, она увидела в коридоре свет и «вырвалась в эту светлость». Она предполагает, что вырвалась «в какие-то параллельные миры». По ощущениям, она все «бежала-бежала» и бубен стал «словно блин», он колыхался от удара «как холодец». И потом она смогла «залезть на дерево» (в реальности). [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Р-ва И. И., ок. 1941 г. р., шаманка].

В первом случае, когда сознание полностью отключается, шаман не помнит, что происходило. Ему об этом рассказывают «переводчики», которые вели переговоры с онгоном. Переводчики записывают слова, которые произносил шаман в трансом состоянии. После завершения обряда начинается обсуждение значения записанных слов. Во втором случае, шаман способен что-то рассказать о том, что он чувствовал и что происходило.

Нарратив 15: «Нет, ну там частично, если хороший транс, то все равно как бы запоминаешь эту информацию. Совсем – я врать не буду, но часть ты все равно информации запоминаешь. Но полностью вот прям весь повторить – ты уже не можешь. Я сказал вот то-то и то-то, так-то сказал то-то и то-то – ты все. Потому что там еще получается, еще же видение же шамана еще остается. Вот эти маленькие. Ты когдаходишь в состояние транса, иногда, получается, ты выходишь в местность, где живут эти люди. Ты можешь описать местность, где ты там был. Там такая гора была, такая береза стояла – обычно люди узнают местность»; «Оживили (одежду) – предок вот у меня девятого колена, который вот, кстати, в легендах

написано... она у меня уже, правда подносилась... и оживляют, да вот, молоком, как положено оживляют, вызывают боже-ство онгона девятого колена. И надо надеть, значит, и выйти. И вот это было удивительной силы, вот знаете, вот практически как будто ты левитируешь. Как будто бы тебя вот... вот такая маленькая какая-то шапочка – и тебя подняли. Первое посвящение – вот это, наверно, самые яркие вот эти в памяти у меня остались. Потому что все что вот первый раз испыты-ваешь, оно же другое. А... вокруг берется... посвящение шанар было. Шли, и как менялось сознание. Как будто вот ты такой малюсенький становишься, а твой предок он просто огромный, наверно, выше, чем с дом. И что характерно – вот свое сознание немного присутствует, и ты даже удивляешься, откуда вот эти эмоции, откуда вот. Я первый раз, когда в транс... – не люблю это слово «транс», онгона впустила, вошел в меня, первое, что он спросил: почему вы мне не даете...архи – ну молочную водку. Хотя я вообще была на тот момент в поиске вот сюда, у меня такой период был – я вообще отвергала алкоголь, сигареты, мясо даже, полгода даже вегетарианством занималась – ну всей вот этой, кучей всяких самых разных вещей. И вот первое, что он пришел, это сказал. И мне казалось, когда я вот вошла в транс, он сел вот такой огромный, сказал (я вот тут вот сижу). И вот это, знаете, состояние ни с чем не забываемое, вот оно внутри осталось. И крепнет в этот момент вера» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ. У-ина А. С., 1969 г. р., шаманка].

Мотивы видений современных бурятских шаманов. Виде-ния в шаманской традиции занимают важное место, но в отли-чие от христианства имеют другие функции – подтверждение шаманского дара и решение различных проблем в земной жизни (лечение болезней, решение семейных, имущественных проблем и т. д.). Так как в шаманизме нет развитых эсхатологи-ческих идей, то видения имеют преимущественно практический характер и направлены в основном на настоящее.

Говоря о мотивах в шаманских видениях, стоит вновь вернуться к статье О. Б. Христофоровой. Она выделяет сле-дующий набор мотивов в биографии нганасанских шаманов: «путь/путешествие», «встреча/гостины», «получение даров», «разгадывание загадок», «обучение», «переделка тела» [13, с. 92–98]. У наших респондентов в рассказах присутствуют

следующие мотивы: «путь/путешествие» (нарративы № 9, 14, 15, 17) отчасти «обучение» (нарративы № 7, 9, 15) и «переделка тела». Остальные мотивы отсутствуют. Так как в бурятском шаманизме выражено почитание предков, то также можно выделить мотив «приход умерших предков» (нарративы № 3, 7, 9, 13, 14, 15). Иногда вместе с этим мотивом проскальзывают предания о предках, которые можно услышать в фольклоре, но в более редуцированном виде (нарративы № 6, 10). Также среди рассказов наших респондентов можно обнаружить мотив «маленький-большой» (нарративы № 1, 4, 5, 14, 15, 16), где шаман во время трансового состояния ощущает себя либо огромным человеком относительно вещей или мира, либо представляет себя крошечным.

Описание снов и видений в современном периоде отличаются от тех, которые были записаны Г. Ф. Ксенофонтовым в начале XX века в Эхирит-Булагатском аймаке Иркутской области. У Ксенофонтова встречаются легенды о расчленении тела шамана духами, об обучении духами во время этого периода [8, с. 83–84]. У современных шаманов практически этого нельзя заметить. Иногда проскальзывает упоминания о небесных школах (нарратив № 15 «как шаманы – мы тоже проходим, может, видели, шанар, шандру – ну тоже там («наверху» – прим. автора) же учат» [ПМА. 2022. Бурятия, г. Улан-Удэ, Ц-в И. К., ок 1970 г. р., шаман], намеки о преобразении тела шамана. Но эти рассказы носят аморфный характер. Более отчетливые рассказы встречаются у шаманов, которые проживают в регионах.

Нарратив № 16: «Да, но я конечно не знаю. Вообще был молодым, летал в полудремоте. Раз где-то оказался возле гор. Я не видел эту гору, местность (...) Старик: “выбрали тебя”. Я “кого? Зачем?” Потом ко мне орел огромный прилетел, за шкуру схватил и над горами меня, Байкалом... Три ночи, наверное, не ночи, а днем летал (смеется) ...Наверное, я не откажусь, сделайте обряд. Он “да-да-да” и все. Я, конечно, в другом пространстве, как бы умер. Огромные больше, как киты. Духи, конечно, они огромные, белые с бородами такими (показывает). Они не на облаке, а другое там совсем. Они сидят, суть, не суть... что-то... первый ряд, второй ряд... А мы служители рангов, среди них не стоим. нас тоже там много... Тех шаманов, которых знал, там узнаешь. Не ходишь там. Интересно так. Видимся каждый

раз. После этого ты, как будто на суде шаманов, которые сделали плохое. Ты участвуешь в них. Не, я не представляю. Вот наш мир, человеческий, мир наших духов больших, огромных. Наш мир тоже разделяется... Вот ты не видишь вокруг меня моих духов (меня спрашивает). Даже его (мира) несколько измерений. Вот мой учитель: «ты еще не летал». А он говорит, что до Марса долетал, долетал дух его. Говорит, что тоже хотел. Он, конечно, выше рангом. Говорю: «долетал до Марса?». Он: «Да». Я до Марса не долетал, наверно (смеется). А так летаем. Зачем? Так надо. Лучше здесь в земном пространстве. Духов...там еще летать куда-то. Если время будет. Настраиваешь себя... Не галлюцинации. У каждого шамана есть свои силы, знания, учение. Свое есть свое. И каждый шаман друг на друга не похож. Все разные. Например, к другим шаманам заходишь на прием. Один шаман высокомерен и т. д.» [ПМА. 2014. Бурятия, с. Ранжурово. П-ин К. С., ок. 1967 г. р.]

В Баргузинском районе мы встретились с одним шаманом-дарханом. Он рассказал нам о своем шаманском становлении. Его рассказ немного отличался от тех, которые мы могли услышать в шаманском центре. Его шаманские способности проявлялись в детстве. Он мог предсказать, когда кто умрет, мог помочь найти потерянные вещи. Во время беседы с нами он постоянно отвлекался и спрашивал нас об именах, вещах и проблемах, которые могли бы быть связанными с нами. Он говорит, что «они» (онгоны) проверяют нас, где мы были, что видели. Во время совместной поездки в машине и разговора на обыденные темы наш респондент резко переключался от реальности и говорил, что он увидел или услышал. И задавал нам наводящие вопросы. Говорил, что связано с прошлым, а что с будущим. Этот же респондент нам рассказал о войнах между шаманами, что шаманы иногда сражаются в ином измерении между собой, упомянул, что существуют «там» (в другой реальности) шаманские школы, в которых шаманы учатся [ПМА. 2022. Бурятия, с. Улюн. Б-ин С. К., ок. 1980 г. р.]

Мотивы: «путь/путешествие», «обучение» и «перedelка тела», – не имеют развитого сюжета и лишены художественного описания и детализации по сравнению с описаниями видений у нганасанских и бурятских шаманов начала XX в. Во многом это связано с историческими событиями, происходившими

в XX в. (социальным, культурным и политическим сдвигом), в ходе которых была практически утеряна практика многократного воспроизводства легенд-автобиографий шаманов [2].

Описания современных шаманов больше сфокусированы на психологических переживаниях и рационализации мистического опыта. Это выражается и в лексическом плане. Наши респонденты часто апеллируют к таким понятиям, как «транс» (нарративы 11, 13, 14, 15), «сознание» (нарративы 13, 15), «галлюцинации» (нарративы 1, 16), «экстаз» (нарратив 10). Это связано преимущественно с общим настроением эпохи, в которой замечается повышенная рефлексия в процессе поиска экзистенциальных смыслов.

Шаманы (как и все обычные люди) осмысливают себя и свой опыт через символы и образы той социокультурной среды, в которую они погружены. Из-за нарушения процесса трансляции шаманской традиции и проблемы сохранения бурятского языка, в описаниях наших респондентов можно услышать инокультурные заимствования. Например, иногда в рассказах прослеживается отсылка к фильмографии: «образ явления мертвецов» (нарративы 2, 3), «установление защиты» как в фильмах о Гарри Поттере (нарратив 5), христианские образы бесов (нарратив 10), оккультно-эзотерические термины и образы (нарратив 5) – «ментальное тело», «энергетическая защита», «коридоры», «тонкий мир».

Опрашиваемые шаманы при описании мистического опыта особое внимание уделяли видениям наяву. На фоне общего повествования именно на видениях наяву респонденты делали акцент, более детально, эмоционально и художественно описывая их, в то время как про сновидения приходилось просить рассказать. Мы предполагаем, что таким образом наши собеседники хотели произвести впечатление на слушателей. Описание видений наяву носили более разноплановый характер, в то время как экстатические переживания и сновидения были более-менее устойчивы. Скорее всего, в традиционном бурятском шаманизме рассказы о видениях наяву были не так распространены, и это дает возможность современным шаманам для большей вариативности повествований. Оккультно-эзотерическая культура (многие респонденты в сознательном возрасте пережили период, когда в России пошло массовое

увлечение маргинальной религиозностью), художественные представления о потустороннем мире в массмедиа – определенным образом повлияли на описание этих переживаний.

Выводы

На основании полевых исследований можно сделать следующий вывод. Жанр видений современных бурятских шаманов носит аморфный характер. Это связано с проблемой трансляции традиции и изменением социокультурного контекста. Опираясь на концепцию А. Я. Гуревича [2], можно заключить, что это является вполне естественным процессом, так как «культурное творение» (в данном случае рассказы о видениях) направлено на конкретную аудиторию, имеющую определенный бэкграунд и определённые ожидания от шаманов. Будучи вовлеченными в современные реалии, шаманы не могут полностью абстрагироваться от «современного состояния умов», поэтому вполне закономерным является использование символов, понятий и образов современной культуры. Как раз это включение делает шаманскую практику жизнеспособной в новых условиях. Отсутствие «догматического учения» в шаманизме делает эту традицию более приспособляемой к внешней реальности. По-своему это подтверждается тем, что нарративы шаманов из периферийных мест более близки к традиции – мировоззрение поселкового населения является менее вариативным.

Тем не менее, в нарративах респондентов мы можем обнаружить мотивы: «путь/путешествие», «обучение», «переделка тела», «приход умерших предков», что говорит об определенной преемственности традиции. Но эти мотивы содержат только отблеск тех рассказов, которые можно было услышать от шаманов предыдущих эпох. В рассказах наших собеседников замечено выделение визионерских мотивов «видения наяву», которые оказались более соответствующими культурным феноменам современной эпохи.

Относительно роли видений в бурятском шаманизме можно сказать, что рассказ о них выполняет ту же функцию, что и в прошлом столетии – подтверждении шаманского дара. Однако большая ориентированность на современную аудиторию иногда делает шаманскую практику неким коммерческим проектом, что, конечно же, уводит от традиционного шаманизма.

Структурно неустойчивые и неоформленные нарративы о видениях современных шаманов демонстрирует проблему соотношения традиции и новации в шаманизме. С одной стороны, наблюдается определенная преемственность, с другой стороны, очевидны значительные изменения, которые являются вполне предсказуемыми для шаманизма (шаманизм всегда был адаптивен к изменяющимся условиям).

Адаптивность шаманизма к внешним условиям затрудняет оценку современного его состояния. Поэтому в качестве перспективы для дальнейших исследований мы видим: (1) проведение семантического анализа основных понятий, которыми оперируют шаманы; (2) выделение инвариантных элементов (то, что делает шаманизм шаманизмом) и изменяемых элементов (то, что отражает только внешние изменения, не затрагивая сущности) этого религиозного явления.

Список информантов (респонденты согласились на интервью на условиях анонимности, поэтому фамилии и инициалы являются вымышленными):

П-ин К. С. – Панин К. С. ок. 1967 г. р., шаман
А-в Ц. Д. – Аверкиев Ц. Д. ок. 1988 г. р., шаман
Е-ина П. Н. – Еремина П. Н. 1985 г. р., шаманка
Р-ва И. И. – Ранжурова И. И. ок. 1941 г. р., шаманка
Ц-в И. К. – Цибикив И. К. ок. 1970 г. р., шаман
Ц-ев К. Б. – Циденев К. Б., 1978 г. р., шаман
Ю-ва М. К. – Югова М. К. 1987 г. р., шаманка
К-ина А. С. – Корсавина А. С., 1987 г. р., шаманка
У-ина А. С. – Утина А. С. 1969 г. р., шаманка
Б-ин С. К. – Бородин С. К. ок. 1980 г. р., шаман

Список литературы

1. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 205 с.
2. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1977. – Т. 8. – С. 3–27.
3. Данчинова М. Д. Пространство сна в устном рассказе бурят (на сознании шаманских сновидений) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – Вып. 2. – С. 54–58.
4. Дарханова А. И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период: социальные функции, традиции и новации: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 237 с.
5. Епихина Е. А. Шаманский нарратив в современной Бурятии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2022. – Т. 42. – С. 117–127.
6. Жуковская Н. Л. Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Ч. 1 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2018. – № 5 (39). – С. 97–109.

7. Жуковская Н. Л. Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Ч. 2 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2018. – № 6 (40). – С. 15–22.
8. Ксенофонов Г. В. Шаманизм. Избранные труды (публикации 1926–1929 гг.) / сост. А. Н. Дьячкова. – Якутск, 1992. – 299 с.
9. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1996. – Т. 50. – С. 551–557.
10. Толстая С. М. Образ мысли в тексте и ритуале. – М.: Русский фронт содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
11. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России / предисл. Б. Базарова, пер. с англ. А. и Н. Космарских. – М.: Наталис, 2010. – 382 с.
12. Харитонов В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. – М.: ИЭА РАН, 2006. – 372 с.
13. Христофорова О. Б. Получение дара: рассказы о шаманском становлении у нганасан // *Arbor mundi*. – 2003. – № 10. – С. 87–105.
14. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / пер. с фр. В. Тырлис. – М.: Академический проект, 2014. – 399 с.

References

1. Berger, P. (2019) *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The sacred canopy: elements of a sociological theory of religion]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
2. Danchinova, M. D. (2017) *Prostranstvo sna v ustnom rasskaze buryat* [The space of sleep in the oral narrative of the Buryats (on the consciousness of shamanic dreams)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura – The Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*. No. 2. Pp. 54–58. (In Russian).
3. Darhanova, A. I. (2010) *Shamanizm buryat Predbaikal'ya v postsovetskij period: sotsial'nye funktsii, traditsii i novatsii: Diss. kand. ist. nauk* [Shamanism of the Pre-Baikal Buryats in the post-Soviet period: social functions, traditions and innovations: cand. thesis]. Ulan-Ude: VSGAKI Publ. (In Russian).
4. Eliade, M. (2014) *Shamanizm. Arhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism. Archaic ecstasy techniques]. Moskva: Akademicheskij prospect Publ. (In Russian).
5. Epihina, E. A. (2022) *Shamanskij narrativ v sovremennoj Buryatii* [Shamanic Narrative in Modern Buryatia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. Vol. 42. Pp. 117–127. (In Russian).
6. Gurevich, A. Ya. (1977) *Zapadnoevropejskie videniya potustoronnego mira i "realism" Srednikh vekov* [Western European visions of the Other world and the "realism" of the Middle Ages]. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu. Vol. 8. Pp. 3–27 (In Russian).
7. Hamfri, K. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoj chasti Rossii* [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia]. Moskva: Natalis. (In Russian).
8. Kharitonova, V. I. (2006) *Feniks iz pepala? Sibirskij shamanizm na rubezhe tysyacheletij* [A Phoenix from the Asher? (Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium)]. Moskva: IEA RAN Publ. (In Russian).
9. Khriforova, O. B. (2003) *Poluchenie dara: rasskazy o shamanskom stanovlenii u nganasan* [Receiving a gift: narration about becoming of nganasan shaman]. *Arbor mundi*. No. 10. Pp. 87–105. (In Russian).
10. Ksenofontov, G. V. (1992) *Shamanizm. Izbrannye trudy (publikatsii 1926–1929 gg.)* [Shamanism. Selected works (publications 1926–1929)]. Yakutsk. (In Russian).
11. Pigin, A. V. (1996) *Videniya potustoronnego mira v rukopisnoj traditsii XVIII–XX vekov* [Visions of the other world in the manuscript tradition of the XVIII–XX centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [The proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Vol. 50. Pp. 551–557. (In Russian).

12. Tolstaya, S. M. (2015) *Obraz mysli v tekste i rituale* [The way of thinking in the text and ritual]. Moskva: Russkij front sodejstviya obrazovaniyu i nauke. (In Russian) |283|

13. Zhukovskaya, N. L. (2018) Shamany i shamanki Buryatii: ikh misticheskij opyt i moi ekspeditsionnye issledovaniya. Cast' pervaya [Male and female shamans of Buryatia: their mystical experiences and the author's field research. Part one]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN – The Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS*. No. 5 (39). Pp. 97–109. (In Russian).

14. Zhukovskaya, N. L. (2018) Shamany i shamanki Buryatii: ikh misticheskij opyt i moi ekspeditsionnye issledovaniya. Cast' vtoraya [Male and female shamans of Buryatia: their mystical experiences and the author's field research. Part two]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN – The Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS*. No. 6 (40). Pp. 15–22. (In Russian).

Об авторе

Епихина Екатерина Анатольевна, ведущий специалист кафедры социальной работы Богословского факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0126-7159, e-mail: katena.epikhina@mail.ru

About the author

Ekaterina A. Epikhina, leading specialist of the Social Work department of the Theology faculty, St. Tikhon's Orthodox university for humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0126-7159, e-mail: katena.epikhina@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.11.2023
Принята к публикации: 15.01.2024
Опубликована: 22.03.2024

Received: 27 November 2023
Accepted: 15 January 2024
Published: 22 March 2024